

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

**Система редакторских сносок
в «Московском журнале» Н. М. Карамзина**

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

Студента 2 курса 251 группы
направления подготовки 45.04.01 – Филология
Института филологии и журналистики

Поддевалина Дмитрия Витальевича
фамилия, имя, отчество

Научный руководитель

к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

Зав. кафедрой

проф. д.ф.н. доцент

должность, уч. степень, уч. звание

_____

подпись, дата

_____

подпись, дата

В. В. Биткинова

инициалы, фамилия

Ю.Н. Борисов

инициалы, фамилия

Саратов 2018

ВВЕДЕНИЕ

Сразу по возвращении из европейского путешествия в 1790 г. Н. М. Карамзин приступил к деятельной подготовке собственного журнала, и в январе 1791 г. вышла первая книжка «Московского журнала». В течение двух лет, по декабрь 1792 г., было издано восемь частей – в каждой по три книжки.

«Московский журнал» был обращен к современности, держал читателей в курсе последних литературных и театральных новостей. Опираясь на опыт иностранных изданий, Карамзин ввел в «Московском журнале» четкое разделение материалов по отделам. Отличительной его чертой было то, что издатель прямо не излагал своих социальных и моральных воззрений.

П. Н. Берков обращает внимание на несомненный успех карамзинского начинания. Но он же утверждает, что «наличие в “Московском журнале” произведений представителей старшего литературного поколения (Державина, Хераскова и др.) и “вялых рифмосплетений” протезе “уважаемых людей” лишало издание Карамзина цельности и единства».

Тема выпускной квалификационной работы непосредственно связана с проблемой цельности «Московского журнала». По моему мнению, единство и цельность во многом обеспечиваются гипертекстовыми и метатекстовыми элементами. Среди первых важнейшую роль играет сама структура издания, в числе вторых – издательские (они же, по терминологии XVIII века, редакторские) сноски. Я старался показать, как издательские сноски дополняют тексты журнала, объединяют их, создавая единый текст.

Актуальность данного исследования заключается в обращении к не достаточно изученному на данный момент аспекту поэтики русской журналистики XVIII века.

Недостаточное внимание к такой ипостаси личности известного писателя, как Н. М. Карамзин-журналист, умаляет его роль в развитии отечественной культуры и общественной мысли: отходят на второй план его новаторство в процессе создания первого литературного рубрицированного

журнала, а также в поиске новых способов общения с издателем, с одной стороны, с публикуемыми авторами, а с другой – с читателями. Обращение к этим проблемам определяет **научную новизну** предлагаемого исследования.

Тема представляется весьма актуальной для развития современной прессы, которая имеет возможность учесть богатый издательский опыт прошлого. Достижения Карамзина на должности редактора и издателя могут помочь современным СМИ отыскать новые формы подачи материалов, взаимодействия с аудиторией, а также другие оригинальные решения. Этим определяется **практическая значимость** выпускной квалификационной работы.

Цель работы – исследовать редакторские сноски в «Московском журнале» Н. М. Карамзина.

Она предполагает решение следующих **задач**: 1) ознакомиться с историей журналистики конца XVIII века, в частности, с целью выяснения в ней места и значения, а также специфики карамзинских журналов; 2) дать краткий анализ содержания и выявить структуру «Московского журнала» Н. М. Карамзина; 3) вычленив издательские сноски в «Московском журнале»; 4) предложить их типологию, обобщить содержание и определить значение в структуре издания.

Таким образом, **объект** предлагаемого исследования – издательские (редакторские) сноски в «Московском журнале», **предмет** – сноски такого типа как способ декларации издательской позиции, форма общения с публикуемыми авторами и читателями.

Помимо таких авторитетных исследований, как «История русской журналистики XVIII века» П. Н. Беркова, «История русской журналистики XVIII–XIX веков» А. В. Западова и «История русской журналистики XVIII–XIX веков» под редакцией Л. П. Громовой, мной были изучены труды, посвящённые личности, биографии, писательской и издательской деятельности Н. М. Карамзина, например, антология «Карамзин: pro et contra», составленная Л. А. Сапченко. Особое внимание было обращено на

всё, связанное с «Московским журналом». Так, в монографии Ю. М. Лотмана «Сотворение Карамзина» представлен разбор журнала с учетом политической ситуации и особенностей мировоззрения автора рубежа 1780–1790-х гг.

В числе работ, которые больше других пригодились для осмысления и раскрытия выбранной темы, труды Н. Д. Кочетковой. Так, в её статье «Два издания “Московского журнала” Н. М. Карамзина» сравниваются издание 1791–1792 гг. и его переиздание в 1801–1803 с акцентом на изменениях, которые претерпел журнал. Лучше ознакомиться с подготовкой Карамзина к написанию «Писем русского путешественника» и изданию «Московского журнала» помогла статья А. Р. Акчуриной «Заграничное путешествие Н. М. Карамзина 1789–1790 гг.: в преддверии “Московского журнала”», где рассматриваются периодические издания, ставшие для издателя образцами. Важной также оказалась статья Т. Б. Фрик «Эпистолярные формы в журнале Н. М. Карамзина “Московский журнал” и “Вестник Европы”»/

В ряде исследований карамзинские журналы рассматриваются как определенная целостность, анализируются гипертекстовые и метатекстовые элементы. Одна из таких работ – кандидатская диссертация В. В. Биткиновой «Творчество Н. М. Карамзина 1780х – середины 1790-х годов : к проблеме предромантизма в русской литературе». В частности, мне полезны были главы о первом журнале Н. М. Карамзина «Детское чтение для сердца и разума» и об альманахе «Аглая». Следует отметить также в этом ряду статью Д. Г. Николайчук «О формировании читательской рецепции в альманахах Н. М. Карамзина». Некоторые методы исследовательницы и выводы, которые она сделала в ходе анализа, напрямую соприкасаются с проблематикой моей работы. Так, Николайчук предлагает перечень приёмов реализации диалога издателя с читателем, в число которых входят и сноски.

Цели, задачи, а также материал исследования определили **структуру** выпускной квалификационной работы. Она состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава 1 «Издательские сноски в свете диалогической установки творчества Н. М. Карамзина». Авторские сноски являются неотъемлемой частью большинства литературно-художественных произведений и критических статей Н. М. Карамзина. С разной целью пользовались приёмом авторских сносок и другие авторы XVIII века. Естественно, при публикации в «Московском журнале» такие сноски сохраняются. В данном случае важную роль играет их маркировка: знак принадлежности автору текста – отсутствие подписи, а маркером издательской сноски является подпись «К.».

При анализе редакторских сносок в выпускной квалификационной работе особо выделяются два вида, различающихся своей адресацией и реализующих диалог «издатель – автор» или «издатель – читатель». Хотя большинство таких сносок имеет одностороннюю направленность – от издателя к его адресату, но есть и отдельные случаи подлинного диалога, даже полемики. Например, диалог можно усмотреть в читательских рецензиях – в некоторых из них читатели только оценивают тексты, а в других перерастают в творцов и сами становятся авторами.

В журналах Карамзина, как и в его художественных текстах, весьма значительна установка на искренность, его изданиям свойственен субъективизм, воплощаемый в нестандартном эмоциональном «сюжете», который во многом формируется за счет использования эпистолярной формы. Связующей нитью для «Московского журнала» являются «Письма русского путешественника». Журнал предстает площадкой для частной переписки, в том числе и стихотворной, создавая тем самым атмосферу дружественности, а само послание, становясь фактом социальной жизни, демонстрирует обусловленную поведенческую модель. Примером может быть публикация поэтического фрагмента письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву от 17 ноября 1788 г. «Господину*** в ответ на полученную от него Поэму». Форма диалога издателя с читателем в карамзинских журналах сходна с поэтикой его частных писем. В журналах, как и в реальных письмах, оценки и суждения

издателя, сам его образ выстраивают читательское восприятие, играют роль образца, погружают в карамзинскую сферу духовных и интеллектуальных устремлений, которыми он всемерно старается поделиться со своим читателем.

Глава 2 «Сноски как способ декларации позиции издателя» включает пять параграфов, в которых представлены разные, выделенные в процессе анализа, типы издательских сносок.

2.1 «Разъяснения к составу и структуре журнала». Уже в объявлении Карамзин обозначил основные рубрики, а также иностранные источники «Московского журнала». Эта линия продолжается в сносках. Так, в первой части Карамзин создает раздел «Парижские спектакли», и в сноске отмечает его новизну, сообщает источник статей для нового раздела, а также уведомляет о периодичности, с которой будет публиковать подобные материалы.

Специфика раздела «Смесь» в «Московском журнале» определена следующим образом: «Под сим титулом Издатель будет сообщать разные анекдоты из иностранных Журналов». Тут также Карамзин оповестил, что будет в разделе, однако не уточнил источники и не указал периодичность.

Карамзин стремился публиковать литературные произведения с привязкой к недавнему событию. Таковы примечания к стихотворным откликам на победы русских войск и другие важные политические события. Актуальность новости издатель подчеркивает в комментариях к тексту: он информирует читателя, когда он получил тот или иной литературный материал, то есть подчёркивает оперативность его помещения. Например, «Стихи. Его Сиятельству Графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому и проч. и проч. на взятие Измаила (*)» в сноске прокомментированы: «Издатель получил сии стихи тогда, когда уже последний лист Апреля месяца был в корректуре. – Он благодарит Особу, благоволившую ему сообщить оные». В подтверждение подписи стихи опубликованы в самом конце книжки.

2.2. «Формирование издательской и переводческой культуры».

Издательский этикет XVIII в. предполагал анонимность, вместо имён авторов часто использовались криптонимы и перифрастические характеристики. Однако Карамзин ставил перед собой задачу познакомить читателей не только с текстами, но и с самой литературной жизнью. Роль значительной части издательских сносок «Московского журнала» можно определить как уточнение фактов литературной жизни: сообщаются сведения об изданиях, откуда взяты тексты, информация об авторах и переводчиках.

Примера характеристики авторов, а также образцами издательского этикета являются сноски к подзаголовку повести «Альфида. Сочинение Из. К.» («Хотя почтенный Сочинитель и не сказывает нам своего имени, однако ж Читатели легко могут его узнать по слогу пиесы»); к произведению «Барух (*) или ученик мудрости» («Сею повестью, переведенною из Bagatellen von Anton Wall, обязан я любезному... Но он не хочет, чтобы я наименовал его»); к произведению «Лилия и Роза» («Сочинение Гердера, славнаго Немецкаго Теолога, Философа и Поэта. Издатель благодарит Особу, благоволившую сообщить ему сей перевод»).

Карамзина сильно волновали проблемы перевода и культура публикации переводных произведений. Многие авторы переводили или заимствовали сюжет у иностранных коллег. Карамзин обращает внимание на то, что нужно указывать факт перевода с иностранного языка, а также язык, с которого переведён текст. Такого рода комментарии издатель оставил к переводному сочинению «Опыт нынешняго естественнаго, гражданского и политическаго состояния Швейцарии; или письма Вильгельма Кокса». В них он не только старается компенсировать для своих читателей недостающие фактические данные (о языке, с которого был сделан перевод, об имеющихся изданиях и содержащихся в них комментариях, об авторе), но и заодно преподаёт урок переводчику, который должен тщательно подходить к выбору оригинала и при необходимости уметь их сравнивать.

2.3 «Диалог с авторами». Уж в объявлении о «Московском журнале» Карамзин призывал участвовать в нем всех желающих, заявляя, однако, что отводит себе организующую и в какой-то мере оценивающую роль: «Если кто благоволит присылать мне свои сочинения или переводы, то я буду принимать с благодарностью все хорошее и согласное с моим планом». По такой модели и строятся отраженные в сносках отношения «издатель – автор».

Издатель настойчиво поощряет всех, кто пытается заниматься литературным трудом. В сносках он почти обязательно благодарит переводчиков и сочинителей, демонстрирует свою заинтересованность, старается рассеять сомнения начинающих авторов в собственных способностях, для чего публикует не только сами тексты, но и авторские «прибавления» к ним со своими ответами. Ярким примером этому представляется «Опыт Повествования о деяниях, положении, состоянии и разделении Санктпетербургския Губернии, включая народы и селения от времен древних до ныне, расположенный на три отделения с прибавлениями (*). Н. Θ. Г.».

К стихотворению «Перемена судьбы моей» Карамзин добавляет объемный комментарий: «Сия пиеса прислана к Издателю от неизвестной Особы при следующих строках: “Прошу поместить в вашем Журнале сии стихи, сочиненные одною знакомою мне девицею”. Кто не порадуется тому, что у нас есть девицы, которыя *так* чувствуют и *так* выражают свои чувствования».

Отмечается участие не только писательниц, но и начинающих поэтов. Так, в шестой части опубликован перевод с французского «Шарлота на Вертеровой гробнице». Издатель добавляет сноску: «Сочинитель или Переводчик сей пиесы есть молодой, четырнадцатилетний человек». Однако здесь уже присутствуют не только комплименты, но и выраженные в деликатной форме советы и даже критика: Карамзин приводит конкретные кажущиеся ему неудачными выражения.

Важнейшей составляющей литературно-издательской деятельности Карамзина была, как известно, выработка русского литературного языка, который, в частности, должен адекватно и при этом органично передавать все те понятия, которые легко передаются в языках европейских. Поэтому в сносках он позволяет себе давать в этом направлении советы молодым авторам. Например, слово «обнаружить» в предложении «И так, полагают вообще, что если бы рассмотреть со вниманием сии знаки, то удобно можно *обнаружить* (*) склонности того человека, котораго желаешь узнать» Карамзин советует заменить на «узнать» или «угадать». Карамзин предлагает более простое слово, которое, кроме того, точнее отражало бы смысл, так как речь шла об учении Лафатера, которое «подвержено многим исключениям».

Объектом стилистической и, шире, эстетической полемики молодого редактора могли становиться не только начинающие авторы, но и корифеи. Интересна с этой точки зрения возможная редакция авторских сносок к стихотворению Г. Р. Державина «Видение мурзы». Некоторые из них изменены по сравнению с другими публикациями, возможно, из-за того, что плохо вписывались в пропагандируемую издателем «Московского журнала» стилистику.

Спор с публикуемыми авторами может быть не только эстетическим, но и идеологическим. Это отразилось в сносках к опубликованной в четвертой части «Московского журнала» переводной статье «Жизнь и дела Иосифа Бальзамо, так называемого графа Калиостро». Ю. М. Лотман отмечает, что это произведение в условиях 1791 г. звучало необычайно остро: оно содержало обвинения против масонов как инициаторов Французской революции. Карамзин старался отстраниться от масонов, однако проявлял уважение к бывшим наставникам и друзьям, не одобрял их гонителей. В шестой части «Московского журнала» он напечатает оду «К Милости», которую трактуют как смелую защиту только что арестованного Н. И. Новикова и других масонов, подвергшихся репрессиям. А в четвертой он ведёт резкую и не лишённую сарказма (что вообще-то ему не очень

свойственно) полемику с римским автором биографии Бальзамо. В ней, как и в защите просвещения, Карамзин солидарен с «Немецким Переводчиком».

2.4 «Формирование культуры литературной критики». В XVIII в. русская профессиональная критика только зарождается. Карамзиным вопрос о необходимости критики решается на эстетическом уровне. В своих собственных разборах писатель дает пример критики строгой, компетентной, справедливой и в то же время уважительной и тактичной. В особенности аккуратен он с женщинами-писательницами и молодыми авторами.

В «Московском журнале» Карамзин формирует культуру литературной критики. В своих сносках он касается проблемы не только критики, но и антикритики. Особенно остро встает вопрос об этике и этикете литературной критики в сносках к произведениям, которые сами по себе являются критическими суждениями о литературе. Они заставляют издателя вступать в полемику с авторами и переводчиками статей и советовать им, как нужно судить о книгах. Интересны в этом аспекте, например, комментарии Карамзина к басне анонимного автора «Соловей и Ворона».

Специально критике (рецензиям) посвящены разделы «О книгах», «О русских книгах», «О иностранных книгах», «О Московском театре», «Парижские спектакли». В пятой части журнала разворачивается полемика между Ф. Туманским, переводчиком «Палефата Греческаго Писателя» и его рецензентом В. С. Подшиваловым. Издатель «Московского журнала» стремится к объективности, публикует мнения разных сторон, «желая, чтобы критика и анти-критика приносила пользу нашей литературе». Но сам он не остается в стороне, оставляя почти на каждой странице статьи свои комментарии, так что, по мнению Н. Д. Кочетковой, «они не только отразили позицию издателя <...> но и составили своеобразный этюд, содержащий заявления программного характера».

2.5 «Диалог с читателями». Воспитание читателя, формирование читательской культуры были среди важнейших задач, которые Карамзин как издатель журналов перед собой ставил. На страницах его журналов

встречаются адресованные читателям сноски очень разного содержания. Например – комментирующие исторические и культурные реалии, которые могут быть непонятны. Большинство таких сносок принадлежит авторам произведений, однако в отдельных случаях издатель решил сделать и собственные пометы.

Так, в одной из сносок к «Письмам русского путешественника» Карамзин поясняет само явление «изящной» словесности, прокомментировав выделенное – очевидно, новое для читателя и значимое для автора-героя текста, слово: «Приятель мой под изящными науками понимает *les belles letters*». Ещё раньше Карамзин объяснял читателю, кто такие «любовные певцы» (миннезингеры) и «цеховые стихотворцы», и это высказывание непосредственно связано с советами, которые издатель «Московского журнала» даёт юному сочинителю, разделяя «стихотворство» и «Поэзию».

В некоторых случаях Карамзин считает необходимым разъяснить своим читателям специфику замысла публикуемого им автора и таким образом познакомить с особенностями художественного творчества. Например, он счел нужным пояснить читателю фразу автора повести «Валерия» о том, что истории о живых мертвецах «в самом деле весьма достоверные»: «Нет нужды сказывать Читателям, что Флориан шутит».

Но, исподволь обучая читателей, Карамзин демонстративно подчёркивал свою заинтересованность в их мнении, их участии. Так он мотивирует публикацию повестей Мармонтеля «Вечера»: «Некоторые из моих знакомых (и при том такие, ко вкусу которых я должен иметь доверенность) желали продолжения оных. В угодность их – а может быть и в угодность многих из благосклонных моих Читателей – сообщаю здесь две сказочки».

Карамзин дает читателю не только возможность высказаться на страницах издания, но сделаться более сопричастным ему, принять участие в наполнении. Среди других текстов можно выделить читательский отзыв, опубликованный перед очередным отрывком из «Писем русского

путешественника». Благодарный читатель обратил внимание на отрывок, в котором Путешественник посетил памятник княгине Орловой. Очевидно, сочинитель письма был знаком с княгиней и, «читая письмо, оросил оное слезою». Но он обращается к Карамзину не только как к автору «Писем...», а также как к издателю «Московского журнала». В заключении он пишет: «Ежели оное напечатано будет, то я и впредь присылать буду краткия сочинения и переводы для помещения в Журнале вашем (*)». Карамзин не только опубликовал это письмо, но и ответил в издательской сноске: «Чем Издатель будет весьма одолжен». В данном отрывке в полной мере проявляется установка на диалог издателя с читателем.

Карамзин в определенных случаях обращается к читателю от первого лица, а в других от третьего, называя себя издателем. Это тоже интересный аспект проблемы «издатель – читатель» и «издатель – автор». На мой взгляд, это объясняется именно стремлением подчеркнуть свою роль издателя, в других же случаях Карамзин использует более неформальное обращение к читателю. По мнению Ю. М. Лотмана, в изданиях Карамзина диалог с читателем олицетворял сложную кооперацию литературы и реальной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В выпускном квалификационном сочинении была проведена работа по анализу издательских (редакторских) сносок в «Московском журнале», и, противовес мнению П. Н. Беркова, я могу утверждать, что комментарии издателя и сама структура журнала, определенная еще в предуведомлении, создают целостный образ.

Многие авторы снабжали свои сочинения дополнительными пояснениями, к которым впоследствии добавлялись комментарии переводчиков, а в случае «Московского журнала» – и редактора, Н. М. Карамзина. Всё это создавало уникальное диалогическое обрамление каждого произведения.

Конечно, много сносок информативного, поясняющего – в конечном счете, просветительского характера. Но более высокий проблемный уровень

создают те, в которых затрагиваются факты и проблемы литературной жизни: обсуждаются культура перевода, язык литературных произведений, проблемы критики. Диалог, с одной стороны, с авторами, а с другой – с читателем помогает Карамзину организовывать литературную жизнь. Он пытается формировать редакторскую, переводческую, авторскую, критическую и читательскую культуру. Он показывает, как должно составлять журнал.

Перспективы изучения темы я вижу в более детальном изучении «Московского журнала» с точки зрения редакторских сносок, а также в подробном анализе других типов сносок, рассмотрении их в системе всех гипертекстовых и метатекстовых элементов. Можно акцентировать внимание на приёмах интерактивности и вкладе издания Карамзина в развитие этой черты журналистики. Все данные исследовательские направления можно реализовать также на материале других периодических изданий – как Карамзина, так и прочих авторов-издателей XVIII в.